

МЕНТАЛЬНЫЕ МИРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ*

Б.М. Фирсов

Европейский институт
в Санкт-Петербурге

Активное введение в научный оборот современных представлений о ментальности имело место лишь в период перестройки. Тогда же пришлось признать, что категория, открывавшая путь к нюансам духовной жизни, к тайнам сознания, не обладала необходимым пиететом в глазах представителей социальных наук. Статьи о ментальности нет во 2-м, послевоенном издании “Большой советской энциклопедии”. То же можно сказать о “Словаре иностранных слов” (М., 1988, 17-е изд., исправленное), в подготовке и выпуске которого принимали участие головные институты АН СССР гуманитарного и социального профиля.

Пересмотр отношения к важному научному понятию начался с выхода в свет в 1989 г. советско-французского труда – книги “50/50. Опыт словаря нового мышления”. Знаковую статью “ментальность” написали два российских и один французский историк. А. Гуревич¹ акцентировал три важных свойства ментальности. Во-первых, эта “живая, изменчивая и при всем том обнаруживающая поразительную устойчивость константы магма жизненных установлений и моделей поведения, эмоций и настроений” опирается на глубинные зоны, присущие данному обществу и культурной традиции. Во-вторых, ментальность общества не монолитна: в реальности она распадается на сложный конгломерат религиозной, национальной, номенклатурно-бюрократической, тоталитарной, сервиллистской, сциентистской и иных ментальностей, далеко не всецело обусловленных социальным строем и производственными отношениями. В-третьих, когда мы го-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Катрин Т. Макартуров (грант № 04 – 81346 – 000 GSS).

¹ *Вовель М., Гуревич А., Рожанский М.* Ментальность // 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. М.: Прогресс – Пауот, 1998. С. 454–455.

ворим о ментальности, то имеем в виду не какие-то вполне осознанные и более или менее четко формулируемые идеи и принципы, а тот конкретный смысл, который в них вкладывается людьми. Далее он предлагает обобщенную метафору ментальности. Это – в принципе неисчерпаемая картина мира в голове человека: “вселенная” представлений о личности и социуме, о свободе, равенстве, добре и зле, о власти и правителях, праве и труде, о семье и сексуальных отношениях, о ходе истории и ценности времени, о смерти и душе, своем и чужом, насилии и чести. Именно она (многомерная картина), будучи унаследованной от предшествующих поколений и непрерывно изменяющейся в процессе общественной практики, программирует человеческое поведение.

М. Рожанский² аргументировал известную суверенность ментальности индивида (группы) по отношению к идеологическим образованиям, общественному мнению, политике. Идеологизированные научные схемы отдавали сознание в полную власть “единственно верного” исторического пути и связанных с ним догм. На науку в этих условиях возлагалась обязанность проводников этих догм, а рядовому человеку предлагалось быть пассивным объектом их индоктринации и пропаганды. Базовый термин этой квази-парадигматики – “сознательность” – означал отсутствие самостоятельного, индивидуально-го взгляда на мир.

Взгляды россиян-историков несут на себе печать “перестроечной” ментальности и относятся к временам, когда предпринимались особые усилия для того, чтобы не только на практике, но и в теории отринуть манипуляционные концепции и проложить путь на деле и на словах к самосознанию личности, к правде и реализму ее интересов, закрепить принципы свободы и демократии. Третий автор – французский историк М. Вовель³ обозначил опасность чрезмерного подчеркивания автономности ментальных структур. В этом случае возникает “соблазн” преодоления дефицита объяснительных моделей за счет психиатрии, путем погружения в глубины бессознательного.

Соглашаясь с этим предостережением, добавлю, что социология, социальная психология, история, культурная антропология не могут игнорировать в исследованиях ментальности роль широко понимаемого социального контекста. Порождение ментальности, в конечном счете, обусловлено конституирующим ус-

---

² Там же. С. 460–461.

³ Вовель М., Гуревич А., Рожанский М. Ментальность. С. 457–458.

тройством группы, долговременностью условий ее существования, историей; специфическими функциями образования и воспитания – “*трансляторов*” менталитета, сообщающих его новым членам группы в виде исходно сознательного мыслительно-го багажа⁴.

1. ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И МЕНТАЛЬНОСТИ

Аргументируя этот тезис, позволю себе вернуться к ранее напечатанному⁵. Одна из важных черт российской истории – наслонение разновременных политических, социальных, социокультурных структур. В этой толще гаснут любые импульсы перемен, на любой тип действия находится свой тип противодействия, своя форма мимикрии, приспособления к внешним обстоятельствам. В современной России имеет место периодическое накопление нереализованного потенциала нескольких поколений, принудительно оказывающихся в одном времени, которое они не могут назвать “своим”. Так возникают очаги молчаливого сопротивления, которое опирается на инерцию ментальности, не способной к перекраиванию картины мира синхронно с общественными преобразованиями и переменами, в какой бы форме (революция, исторический перелом, рывок в развитии, “большой скачок”, реформы и т.д.) они ни выступали. Здесь вступают в силу долговременные ментальные структуры (“темницы долгого времени”, по Ф. Броделю), которые более всего противодействуют изменениям и сохраняются при смене поколений.

Ситуацию проясняет философ В. Кантор. Существует устойчивая легенда, близкая по своей природе к мифу, что именно “наше” время переходное, но “прежняя” Россия бывала “всегда” стабильной, нашедшей себя, целостной и гармоничной. Было ли так когда-нибудь? – спрашивает В. Кантор и отвечает: такого не было 10 с лишним лет назад на заре горбачевской перестройки. Не могло быть и в пору брежневского застоя, который оказался не чем иным как перерождением, распадом и разложением советской системы. Переходным оказался хрущевский период, вобрав в себя разоблачение сталинских репрессий, возвращение миллионов узников из концлагерей, попытки вернуться к “ленинским нормам партийной жизни”, а заодно обогнать США “по произ-

---

⁴ История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1996. С. 95, 99.

⁵ Фирсов Б. Ментальные миры современного российского населения // Телескоп. 2003. № 4. С. 5.

водству мяса, масла и молока на душу населения”. Перетряской всей страны была эпоха сталинской коллективизации и индустриализации. Из огня да в полымя швыряли народ продразверстка и НЭП. Не назвать страну стабильной и целостной в период между двух революций и на рубеже XIX и XX вв. (не говоря уже о самих революциях). Переломными эти годы называли современники, видя, как капитализация России видоизменяла страну. То же придется сказать о пореформенной России второй половины XIX в., когда, по словам Л. Толстого, “все переверотилось” и никак не могло⁶ уложиться. Таковыми были царствование Петра I, и период раскола при Алексее Михайловиче, и “смутное время”, и период от Ивана III до Ивана IV. Наконец, удельная раздробленность, крещение Руси, время становления русской государственности (862 г.) – все указывает на постоянные изменения и замену одного качественного состояния другим⁶.

Переходность является константой российской истории, – так завершит свой тезис В. Кантор. Мне показалось важным сделать подробную ссылку на его работу и показать, что испокон веку Россия была поставлена перед необходимостью поиска своей самоидентичности в условиях постоянной смены действий и декораций на сцене, где разыгрывалась ее историческая драма. Как следствие – многовековая неустойчивость культурного равновесия и постоянное перенапряжение ментальности под влиянием постоянно изменяющихся смыслов жизни, ценностей, реалий окружающего мира.

“Все процессы и фазы истории в России медленнее должны бы протекать”, – заметит Г. Гачев и обоснует важный для нас тезис, обосновывающий вечную власть переходности несовпадением шага Пространства и такта Времени⁷. Народ российский «тяготеет к “натуральному развитию медленным шагом времени”, а государство живет испокон веку со словом “ускорение” на устах, чему всегда, изначально сопротивлялся склад мышления народа, Русский Логос. Потому так трудно и долго ищется и не находится что-то четкое и повисает в воздухе истории нескончаемыми вопросами».

“Гигантская работа себя над собой, работа, которую представляет собой жизнь”, – так образно охарактеризовал механизм функционирования ментальности французский историк

---

⁶ Кантор В.К. “...Есть европейская держава: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 255–256.

⁷ Гачев Г. Космос, эрос и логос России // Отечественные записки. 2002. № 3 (http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_32.html).

М. Вовель⁸, желая подчеркнуть, что смена картины мира, носителем которой является человек, требует усилий, связана с борьбой за себя и “свой образ”.

Два примера покажут, каким образом осуществляется эта работа в условиях постоянных и спорадических перемен.

(1) В книге мемуаров Г. Померанц рассказывает о своем учителе в студенческую пору, доценте ИФЛИ Л. Пинском. Все время их знакомства и дружбы, больше сорока лет, Пинский бился, как лев в клетке, которую сам себе построил. И после вымершей деревни, куда его забросила судьба с приказом партийной власти освещать ход коллективизации, и после кошмара 1937 г. он еще долго сохранял верность марксистской идее, решительно отрицая опыт ее применения. Сперва он был один, потому что друзья закрывали глаза и не имели мужества смотреть в лицо страшной правде, потом он снова был один, потому что друзья привыкли к обойме Маркс–Энгельс–Ленин–Сталин и выкинули ее сразу всю. Померанц продолжает: “Наш исторический опыт, – говорил мне Пинский, – один из черновиков истории. Почему надо думать, что новый строй сразу найдет свою форму? Капитализм возник после нескольких черновиков. В Италии он провалился, а потом процесс начался заново в Голландии, в Англии... Пинский не выходил из кризиса полвека. Это было мучительно, как медленная казнь. Расставание с верой всегда тягостно. А марксизм мог быть верой и верой благородной. Я этому свидетель. Я видел заход кровавого солнца революции, восход которого когда-то приветствовал Гегель”⁹.

(2). Уместным мне показался коллективный пример – ретро-ориентация массовых взглядов, охватившая население страны, едва ли не общенациональная по своим масштабам ностальгия по недавней эпохе стабильности, благополучия, социального равенства. Сошлюсь на результаты исследований общественного мнения, опубликованные газетой “Известия” 29 ноября 2003 года:

– Январь 2003 г.: только 14% населения России считает, что при коммунистах им жилось бы хуже (ВЦИОМ-А, ныне Левада-Центр).

– Март 2003 г.: от 54% до 57% наших граждан в целом положительно оценивают роль Сталина в истории страны (ФОМ и Левада-Центр).

– Июнь 2003 г.: 77% опрошенных убеждены, что следует пересмотреть итоги приватизации, а 74% считают, что в России

⁸ Вовель М., Гуревич А., Рожанский М. Ментальность. С. 459.

⁹ Померанц Г. Записки гадкого утенка. М.: РОССПЭН, 2003. С. 50.

нельзя заработать деньги законным путем (РОМИР-мониторинг).

– Ноябрь 2003 г.: лишь 19% населения России хотели бы жить в обществе индивидуальной свободы, а 81% предпочитают общество социального равенства или затрудняются с ответом (ИКСИ РАН).

– Ноябрь 2003 г.: 54% убеждены, что Россия движется в тупик (ИКСИ РАН).

Приведенные выше реакции общественного мнения являются коллективной рефлексией очередного неудачного сценария развития постсоветской истории. Обращение к понятию ментальности позволяет подтвердить факт, согласно которому “в России все времена существуют одновременно”. По воле исторических обстоятельств ментальность традиционная (российская) здесь должна “уживаться” с ментальностью советской и тем, что мы начинаем воспринимать как ментальность постсоветского времени. Их далеко не притертые, часто конфликтные и даже воинственные отношения – плата за превосходящую человеческие силы глубину кризиса, за “безграмотные черновики истории”, по которым страна и ее народ продолжают жить и по сей день.

Переход к “беловому варианту” представительной демократии и свободного предпринимательства протекает в болезненной форме. Их ускоренная пересадка в российскую почву сопровождается появлением уродливых и опасных явлений, против которых социальный организм не имеет надлежащего иммунитета. Это – межнациональная вражда, антисемитизм, бюрократическое попрание прав граждан, судебный и административный произвол, коррупция, рост экономической и уголовной преступности, терроризма. Во многих звеньях социального организма происходит “сбой” программ развития общества с заменой “знака” (плюс функциональности меняется на минус дисфункциональности). Историки заметили, что ментальность есть национальное (групповое) достояние, защита которого должна объединять людей. Не случайно дело Дрейфуса в конце XIX в. расколело Францию больше, чем религиозные и классовые противоречия того времени, и стало причиной политического кризиса в стране¹⁰. Отсюда дихотомия “своей” и “чужой” ментальностей, которые могут оказаться антиподами и антагонистами.

---

¹⁰ История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. С. 46–47.

Более тонкая и скрытая игра, имеющая своей целью сохранить статус-кво, не прибегая к прямому противодействию, конфронтации сторон и к силовой борьбе за победу интересов, также опирается на разные виды *ментальной симуляции*. Подчеркну историческую изменчивость ее форм. Ныне открытая демонстрация преданности делу коммунистической партии на основе двоемыслия уступила место стремлению имитировать «стабильность, уверенность, решимость, успехи, высокое доверие к власти, в первую очередь ее главного носителя – президента»¹¹. Двоемыслие было необходимым условием выживания в условиях авторитарного режима, за ним стояло едва ли не полное отчуждение личности, разорванность ее социальной и индивидуальной и частной жизни. Оно избавляло от необходимости предъявлять какие-либо требования к режиму и тем более вступать в борьбу за его изменения. Это был особый тип снижения индивидуальных рисков, направленный на сохранение жизни, спасение от преследований, одним словом, безопасность.

В наше время роль двоемыслия заняла имитация. Это интеллектуальное “know how” (“использование формы вывески, слов, лишенных реального содержания”, как определил его Ю. Левада) стало знаковым для переживаемого периода истории. В таком качестве оно оказалось приложимым ко всем явлениям социальной жизни, включая те, что являются противоположными по своему смыслу, направленности, модальности. Имитировать можно и либеральные перемены и отказ от них в пользу государственной монополии; сохранение демократических принципов и стремление к авторитаризму; уважение к правовым институтам и сохранение “телефонного права”; сближение с Западом и отгораживание от него¹². Имитация легко, надежно обнаруживается едва ли не во всех сферах и на всех уровнях общественной жизни страны. Обращает на себя внимание массовость явления и его высокая политизированность. Легкий политический флирт с либералами по поводу возможных перемен не эквивалентен отказу от этих перемен “всерьез”. Имитация демократии и демократических перемен сильно проигрывает “подлинному искусству”, с которым власть, Президент страны возвращаются к авторитаризму. Имитационный характер поддержки бизнеса становится заметным на фоне “настоящего” преследования олигархов.

---

¹¹ Левада Ю. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российской трансформации // Мониторинг общественного мнения, № 1(63), янв.-февр. 2003. С. 8–9.

¹² Там же. С. 8.